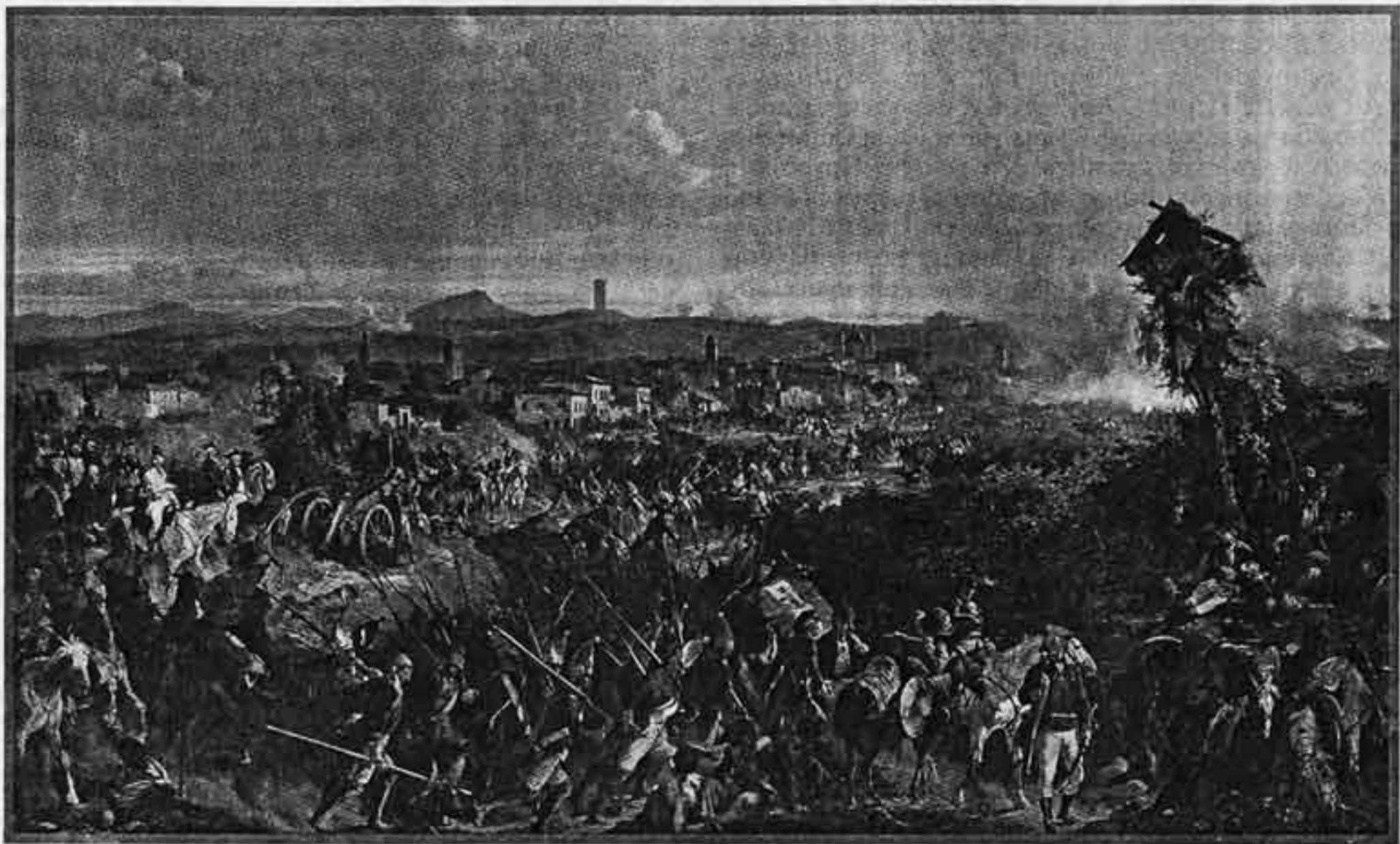

Александр Егоров,
доктор исторических наук

Конфуз союзного войска

Секретная экспедиция русских
к голландским берегам

А.Е.Коцебу. Сражение при Нови 4 августа 1799 года.
Государственный Эрмитаж.

На исходе короткого балтийского лета в конце июля 1799 года в российский порт и крепость Ревель прибыла английская эскадра коммодора Ферриса. Девять линейных кораблей, два фрегата и семь транспортных судов были готовы принять на борт войска императора Павла I — «верного союзника» и «брата» Его Величества короля Георга III. Целью путешествия был голландский берег.

«Августа 6го, — повествует «Журнал экспедиции Голландской» Ивана Федорова, — снялась с якоря Аглинская эскадра с российскими войсками...»¹ Спустя сутки погода испортилась. В течение десяти дней штормило, сильный встречный ветер гнал корабли эскадры назад. Не на шутку разгулявшаяся стихия мешала многоопытным британским морякам управлять корабельными снастями. «Весь стат корпусного начальника, — вспоминал очевидец, — ...и множество других штаб и обер-офицеров в продолжение того

времени были полумертвыми и сам начальник в равном почти находился состоянии». Русские же солдаты, впервые оказавшиеся в столь необычном для себя положении, стойко переносили тяготы морского путешествия и, лишь только море чуть-чуть успокаивалось, под разудалые песни обходили корабль походным строем, вызывая немалое изумление видавших виды англичан.

Кому же принадлежал замысел совместной англо-русской экспедиции? Какова была ее конечная цель? Почему она оказалась забытой?

...В конце 1798 года оформилась Вторая антифранцузская коалиция: Англия, Австрия, Россия, Неаполитанское королевство и Османская Порты. Эта комбинация серьезно угрожала безопасности устоев республиканской Франции. Недаром один из членов Директории Луи-Жером Гюйе назвал ее «коалицией... более страшной, нежели все прочие»¹. Силы

только двух основных участников антифранцузской лиги — Австрии и России — превышали 300 тысяч человек, в то время как Франция имела для обороны линии фронта от Голландии до Средиземного моря не более 237 тысяч солдат.

Описывая действия коалиции, историки обычно обращали внимание лишь на Итальянский и Швейцарский походы Суворова, а также на действия австрийских войск на Рейне. Но это была только часть плана коалиционной войны против Франции. В военных планах союзников летом 1799 года заметное место занимал проект совместной англо-русской экспедиции в Нидерланды. По замыслу лондонских стратегов, англо-русский корпус в Голландии должен был выполнять роль своего рода вспомогательной и отвлекающей силы по отношению к русским войскам, которые, «освободив» Швейцарию от французов, через Франш-Конте направили главный удар на Париж⁴. Англичан соблазняли разнообразные выгоды, которые сулил успех экспедиции. Во-первых, союзники рассчитывали вовлечь Пруссию в войну против Франции; во-вторых, сотрудничество с недовольными французским господством голландцами казалось им одной из главных гарантий успеха; в-третьих, в Лондоне считали легкой прогулкой захват флота Батавской республики, находившегося у берегов Северной Голландии⁵.

2 июня 1799 года царь в письме к командующему русским корпусом генерал-лейтенанту И. И. Герману определил главную задачу экспедиции: «Предмет сего вооружения есть завоевание Голландии, возмущение и покорение Нидерландов»⁶.

11 июня между Англией и Россией была подписана союзническая конвенция, которая была целиком посвящена совместной экспедиции в Голландию. Она определила силы русской части экспедиционного корпуса в 17593 человека, английской — в 13 или 8 тысяч. Скромное «денежное вспоможение» британцев не вызвало восторга в Петербурге, зато позволило подчеркнуть «благородство» российского самодержца. «Суммы Англией нам за войско переводимые, — писал 10 июля из Петергофа Павел I, — отнюдь недостаточны суть; но мы руководствуемся только усердием нашим...»⁷

Хотя соглашение о совместной экспедиции в Голландию было достигнуто только 11 июня 1799 года, подготовка к ней началась задолго до этой даты и растянулась до начала августа. Экспедиция между тем готовилась натушно. Начальствующие лица с энергией, достойной лучшего применения, пытались переложить на «соседние» ведомства обременительные заботы по экипировке и снабжению продовольствием. Маниакально подозрительный царь тщательно скрывал сроки сбора и отправки русского корпуса из Ревеля. О них не знал ни государственный казначей барон А. И. Васильев, ни даже вице-президент Военной коллегии (а фактически военный министр) И. В. Ламб. За время подготовки экспедиционного корпуса трижды менялось место его дислокации. Накануне отправки во всем царица чрезвычайная неразбериха. Часть корпуса (дивизия генерал-майора Эссена 1-го) перебралась на эскадру контр-адмирала П. В. Чичагова 15 июля. В рапорте Павлу I генерал Герман писал: «Все люди генерально с большим удовольствием и веселым духом сели на кораб-

ли и тем обещают выполнить высочайшее вашего императорского величества повеление с твердым и непобедимым духом». Но отправилась в путь эта «веселая» дивизия только пять дней спустя. А еще через восемь дней, 28 июля, Герман уже без всякого ликования напишет Ламбу: «По сие время из готовленной трехмесячной провизии для корпусу моего начальства я не получил ничего и не знаю где она находится; дивизия генерал-майора Эссена отправилась в море более уже недели, взяв с собой провизии не более как на полтора месяца и то заимствуясь у адмиральства Ревельского... Первого или второго (августа. — А. Е.) при благополучном ветре думаю выйти в море (со второй частью корпуса. — А. Е.), не имев провизии своей вовсе и даже при Ревеле довольствуются войски аглинскою...» В письме от 3 августа Герман сообщает о том, что во многих полках солдатские мундиры до того обносились и обветшали, что в таком виде «едва пристойно показаться чужим народам...».

Англичане с подготовкой тоже не преуспели. Свободных регулярных частей в Англии не было, и британские организаторы экспедиции набирали в войско необученных новобранцев из состава мало на что пригодной милиции графств. Участник Голландской экспедиции Эдвард Уолш отмечает, что один из способов пополнения десантного отряда состоял в доукомплектовании его «волонтерами» из английской милиции⁸. Выбор командиров английских войск, отправляемых в Голландию, оставлял желать лучшего. В частности, крупной ошибкой было назначение главнокомандующим герцога Йоркского.

Фредерик герцог Йорк — второй и любимейший сын английского короля Георга. Как и всякий принц королевской крови — неутомимый игрок в солдатки. Но если у других детей это увлечение со временем проходит, то у герцога Фредерика оно сохранилось на всю жизнь. Разница была лишь в том, что оловянных заменили солдаты настоящие. Преисполненный невероятного самомнения солдафон с внешностью лейб-гвардейца и ухватками тамбур-мажора, герцог Йорк «стажировался» в военном деле при дворе самого Фридриха II. Это обстоятельство вскружило ему голову, сыграв в судьбе принца роковую роль. С тех пор светлейший неудержимо рвался в бой. Его ограниченность, вздорный характер, неумная словоохотливость, скандальные амурные похождения, убогие познания во всем, в том числе и в военном деле, приводили в отчаяние людей, ответственных за судьбы страны. Английский посол в Берлине граф Джеймс Малмсбери писал о герцоге: «Его представления о военном деле — это представления армейского поручика». Последующие события полностью подтвердили оценку блестящего дипломата. Будучи командующим английским корпусом во Фландрии и Брабанте в 1793—1794 годах, Йорк был наголову разбит французами. «Мой Йоркский кузен, — с ехидством заметил по этому поводу принц Людвиг Прусский, — похож на барабан: он шумит только когда его бьют»⁹. Павел I был крайне недоволен выбором такого главнокомандующего и еще 10 июня в письме к графу С. Р. Воронцову требовал изыскать «кого-либо другого» на этот пост. На британских островах, видимо, также понимали рискованность подобного назначения. Чтобы хоть

как-то обуздать «полет военной мысли главковерха», при нем был создан совет из высших офицеров, но, по печальному стечению обстоятельств, в него не попал ни один действительно толковый военный специалист.

Командующий русской частью экспедиционного корпуса генерал-лейтенант И. И. Герман тоже не блистал талантами, хотя участвовал во множестве походов и был известен как строитель Херсона и генерал-квартирмейстер русской армии в Литве. «Герман, — писал о нем историк середины прошлого века, — был испытанный воин и особенно известен блистательною победою, одержанною им в 1790 году над сераскиром Батал-Пашою...»¹⁰ Участник экспедиции в Голландию полковник А. Я. Дубянский в сво-

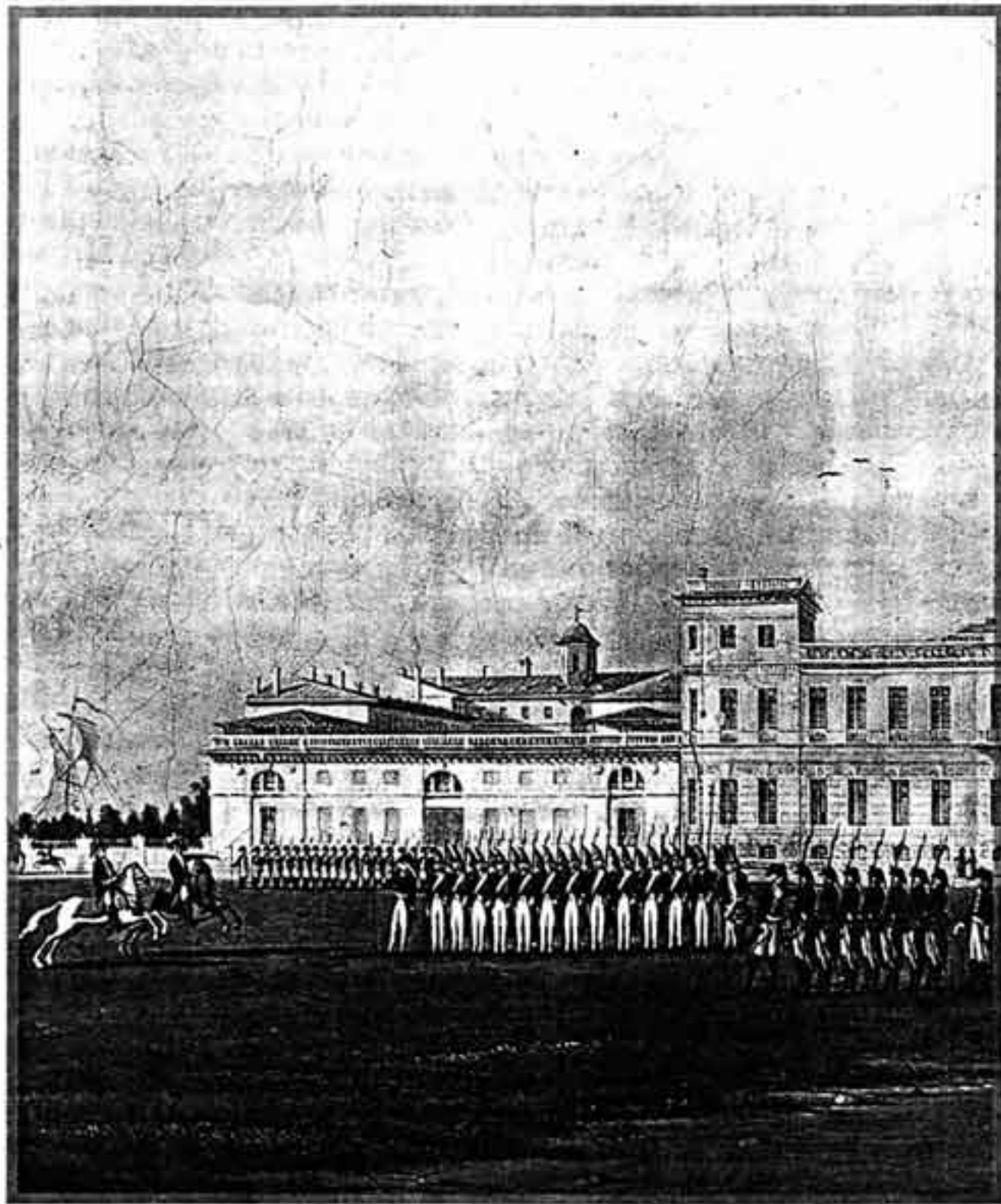
ператорскому Величеству, выступило в море»¹³. Первоначально предприятие рисовалось в розовом свете. Оптимистично был настроен и Суворов: «Операция в Голландии... преуготовит нам розы и лилии, как Франция изнуряется. Да и провидение нам благопоспешно должно быть. Тамо меньше препон». После двух недель плохой погоды 27 августа 1799 года удалось наконец высадить десант в северной Голландии, в Гельдере. Англичане сами, еще до прибытия русских войск, овладели Гельдером 30 августа. Батавский флот, стоявший поблизости, взбунтовался и перешел на сторону союзников.

Обманчиво легкое начало похода дезориентировало его организаторов. Они уже воображали себя хозяевами Амстердама. В Лондоне даже задержали

Павел I.

И.-Г.Майр. Марсово поле с обелиском «Румянцева победам». Конец XVIII в. Фрагмент. Государственный Русский музей.

их воспоминаниях характеризовал его как «украшенного сединами и известного в минувшую турецкую кампанию военачальника...»¹¹. Герман никогда не находился на каком-либо ответственном посту, к тому же был для солдат человеком новым. Прав был в этом смысле адмирал П. В. Чичагов, писавший о Германе: «Это был немец по выбору императора и солдатам неизвестный»¹².

Тем не менее эта плохо сколоченная и скверно экипированная экспедиция началась. В донесении из Лондона Павлу I от 13 августа 1799 года граф С. Р. Воронцов сообщал: «Сего дня первое отделение секретной экспедиции, известной Вашему Им-

открытие парламентской сессии в предвкушении новых побед экспедиционного корпуса. Полагали, что известие о них сможет украсить королевскую речь перед членами палаты общин. В донесении командовавшего высадкой генерал-лейтенанта Р. Аберкромби в Лондон ни словом не упоминались русские войска (хотя на эскадре вице-адмирала Митчелла находилось 850 русских солдат и матросов, а в ее составе были два русских корабля: «Ретвизан» и «Мстислав» вице-адмирала Тета). Факт этот сам по себе достаточно красноречив. Он показывает действительное отношение английского командования к русским «союзникам». Симптоматично и то, что в

прокламации Аберкромби к жителям Голландии, толкующей об «освободительной миссии» союзников на территории Соединенных провинций, русский император упоминался только один раз.

На этом этапе английским командованием была допущена существенная военная ошибка. Аберкромби, имея под своим началом только англичан более 10 тысяч, захватив Гельдер и о. Тексель, не пытался перейти в наступление. Закрепившись в Гельдере, он дал возможность французскому командующему генералу Брюну перебросить войска на север Голландии и взять инициативу в свои руки. Уже 30 августа Брюн атаковал Аберкромби. Эта атака была отбита, но показала всю неосновательность надежд на поддержку экспедиционного корпуса со стороны голландцев. «Мы обнаружили едва ли одного друга в [этой] стране, — вспоминал впоследствии адъютант герцога Йоркского, — очень мало голландских джентльменов прибыло в нашу армию...»¹⁴

1 сентября в Гельдер прибыли последние английские части и главнокомандующий герцог Йоркский. 2 сентября русские войска, находившиеся на эскадре Ферриса, минуя Ярмут, где было назначено «рандеву» полкам корпуса, высадились в Текселе. Через несколько дней у берегов Голландии отшвартовалась эскадра контр-адмирала П. В. Чичагова. На кораблях этой эскадры находились русские войска под командованием генерала Н. И. Эссена, «другого немца (первый — И. И. Герман. — А. Е.), — по определению Чичагова, — в одинаковой степени высокомерного, тяжелого и глупого»¹⁵. К 7 сентября весь экспедиционный корпус был в сборе. «Союзное войско, — пишет русский участник экспедиции, — состояло тогда из тридцати двух тысяч человек разных чинов».

С первых же дней пребывания в Северной Голландии русские и англичане столкнулись с нехваткой продовольствия и лошадей. Дождливая, сырая погода оказывала на русских воинов гнетущее воздействие. Солдаты, не имевшие укрытия, мокли на прибрежном песке. Накануне 8 сентября по русскому корпусу «при вечернем приказе отдано было повеление оставить намокнувшие плащи на батареях и раздать по манеркам каждому рядовому по две порции рому, с строгим подтверждением, чтобы каждый выпил не более одной порции, оставляя другую на случай счастливой победы».

Это была единственная мера, «предусмотренная» русским командованием. Впрочем, с ним англичане почти не считались. В военном совете помимо генерала Германа восседали четыре английских генерала¹⁶. 8 сентября 1799 года союзники атаковали французов и потерпели неудачу при Бергене. Русские войска лишились двенадцати орудий и двух знамен; из общих людских потерь союзников в 4 тысячи человек на долю русских приходилось 3068 (1792 убитыми и 1276 ранеными¹⁷). В плен к французам, наткнувшись на французский пикет, попал и генерал-лейтенант Герман. Очевидец событий пишет: «Печальная весть, дошедшая в главную квартиру о потере Начальника (Генерала Германа), поразила всех как громовым ударом... Уныние отнимало силу, и никто не знал, за что приняться». В какой-то момент даже разнесся слух о полном разгроме русской части корпуса. Англичане потеряли 1050 человек. В приказе

по русскому корпусу от 13 сентября генерал-лейтенант Н. И. Эссен (сменивший пленного Германа) прямо говорит о случаях дезертирства солдат в ходе сражения. «Но как скоро, — признает Эссен, — некоторые из них удалились от трусости или будучи увлечены подлым желанием грабежа, то успехи, мужественно начатые, были остановлены... Я думаю, — продолжает он, — что не малая часть наших были перебиты в беспорядке недостойными своими товарищами; и столь велик был сей беспорядок, что все мною употребленные старания и других храбрых офицеров для собрания войск, все наши усилия были бесполезны»¹⁸.

Далекий от конъюнктурных соображений А. Я. Дубянский четверть века спустя указывал на полную неподготовленность русской атаки: колонна Германа без проводников, в темноте двинулась вперед, войска, не зная местности, кидались на выстрелы, части перемешались, командиров не было слышно; «словом сказать, расстройство было чрезвычайное». Союзники, видя катастрофическое положение на правом русском фланге, и не подумали его поддержать. По словам французского участника сражения, будущего наполеоновского маршала Сульта, «русские оборонялись отчаянно, засев в домах и церкви (Бергена. — А. Е.), но... из девяти тысяч человек... не спасся почти никто»¹⁹. Любопытно, что даже противники-французы считали именно англичан ответственными за поражение союзных войск 8 сентября.

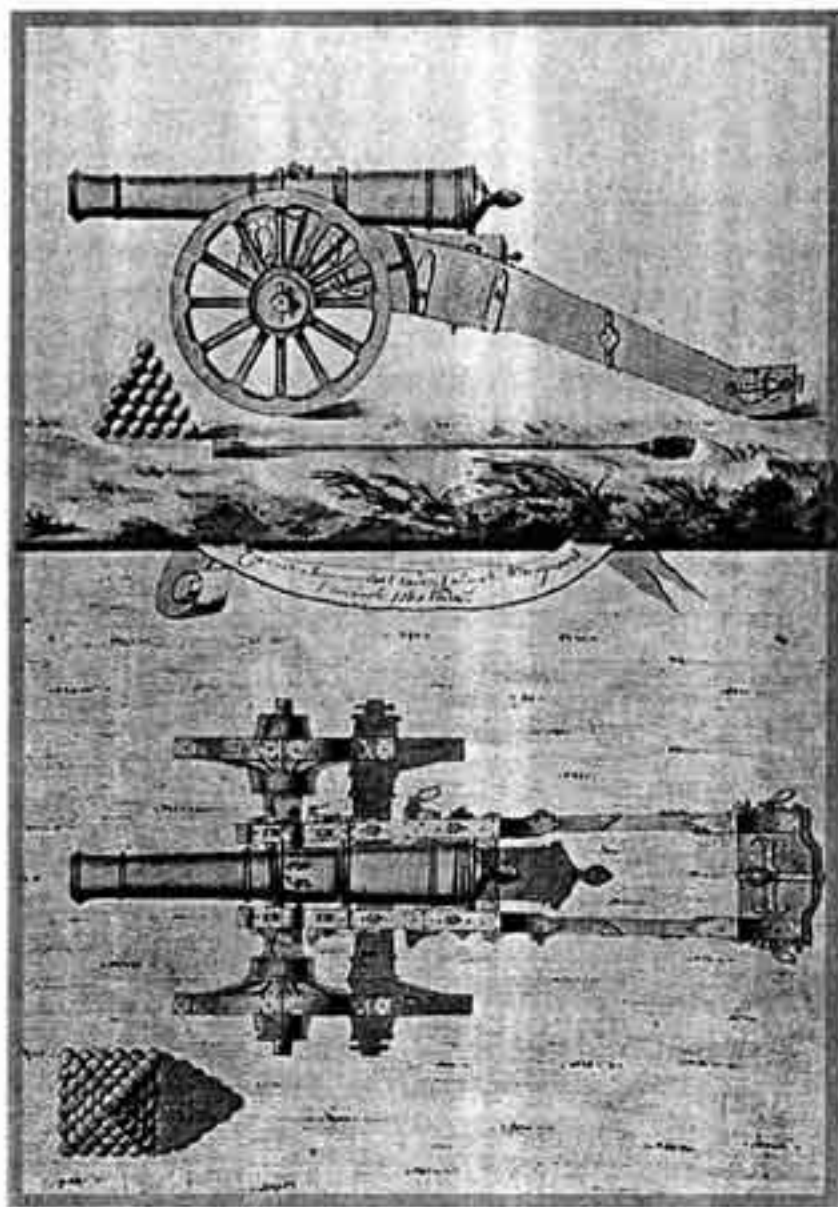
Второе сражение, и снова при Бергене, произошло 21 сентября. На этот раз союзники одержали победу. Брюн отступил. Успех был куплен «малой кровью». Русские войска потеряли 79 человек убитыми и 388 ранеными. Но перелома в военных действиях не произошло. Третье (и последнее) сражение с французами случилось 25 сентября у Бакума.

Здесь почти в точности повторился первый бой под Бергеном. Русские войска успешно атаковали противника, «но аглинская колонна, назначенная для прикрытия правого нашего фланга, — рапортовал Эссен Павлу I, — не двинулась... в половине второго часа (сражение к тому моменту продолжалось пять с половиной часов. — А. Е.) превосходный числом неприятель, чувствуя важность занятых нами возвышенностей, устремил на них все свои силы и, видя наш правый фланг без защиты, окружил его». Под Бакумом англичане, по требованию Эссена, все же оказали поддержку союзникам. Русские потери на этот раз превысили тысячу человек (381 убитыми и 735 ранеными). Войска же выглядели отнюдь не блестяще. «С прискорбием должен я донести Вашему Императорскому Величеству, — пишет Эссен в рапорте царю от 26 сентября, — что некоторые офицеры укрываются от сражения — именно, по рапортам полковых и батальонных начальников, бежали с сражения Гренадерского Жеребцова полку адъютант поручик Хартлинг и сего ж полку сводно-гренадерского Митюшина подпоручик Ластушкин 1-ой, которые до высочайшего В И В повеления содержатся в Гельдере под арестом». Резолюция Павла не заставила себя ждать: «Выключить из службы с лишением чинов, дворянства и преломить шпаги над головами»²⁰. Но ни суровые наказания, ни призывы к мужеству и порядку уже ничего не могли изменить. Адъютант герцога Йоркского сэр Генри Банбери

писал, что после поражения при Бакуме «наши лучшие войска пришли в уныние, наши офицеры потеряли всю свою уверенность; русские были обозлены, угрюмы и едва ли на них можно было рассчитывать как на союзников». «Приказной журнал» Эссена изобилует приказами по поводу соблюдения порядка, прекращения мародерства, грабежей, случаев насилия над местными жителями. «К большому стыду нашему, — гласил приказ от 23 сентября, — столь мало царствует порядок и военная дисциплина в корпусе войск наших, что я принужден буду принять наистрожайшие меры. Солдаты оставляют в марше свои батальоны. Они и остаются позади для гнусного грабежа. Пришедшие в селения расходятся, опустошают сады и грабят дома жителей, нам

штаб-офицер и еще три офицера бежали, и только море их одно могло остановить. За 40 верст. Арбенев исключен, а те ошельмованы»²¹.

За шесть недель Голландской кампании союзники понесли огромные потери. В строю осталось не более 18 тысяч человек или примерно половина войск, высадившихся в Гельдере. Новые пополнения не прибывали, ухудшилось снабжение продовольствием. Почти ежедневно в полковые списки русских частей вносились приказы о выключении из этих списков русских солдат, умерших в военном госпитале в Гельдере и других местах. Путь на юг Голландии был наглухо заперт войсками Брюна. Население откровенно ненавидело оккупантов. По приказу герцога Йоркского русские войска в ночь на 27 сентяб-

П.Мельгунов. Русская полевая пушка второй половины XVIII века.

Акварель. Государственный Русский музей.

Б.Патерсен. Английская набережная со стороны Васильевского острова. Фрагмент. ГЭ.

преданных и расположенных давать нам все нужное добровольно».

Новые призывы к сохранению дисциплины звучали жалко и беспомощно. Надо сказать, что в Петербурге были отлично осведомлены о плачевном положении дел с дисциплиной в русском экспедиционном корпусе. Граф Ф. В. Ростопчин (занимавший в то время пост главы Коллегии иностранных дел) писал Суворову 29 сентября 1799 года: «Какое постыдное поведение войск наших в Голландии; в первом деле бросились грабить. Оставили генералов и оттого разбиты; в другом не хотели идти, полк лег на землю. О, проклятые! Генерал-майор Арбенев,

ря отступили и заняли свои прежние позиции «от Петена до Крабен Даша». Впрочем, в Лондоне еще и в начале октября продолжали получать сообщения о новых «победах» герцога Йоркского.

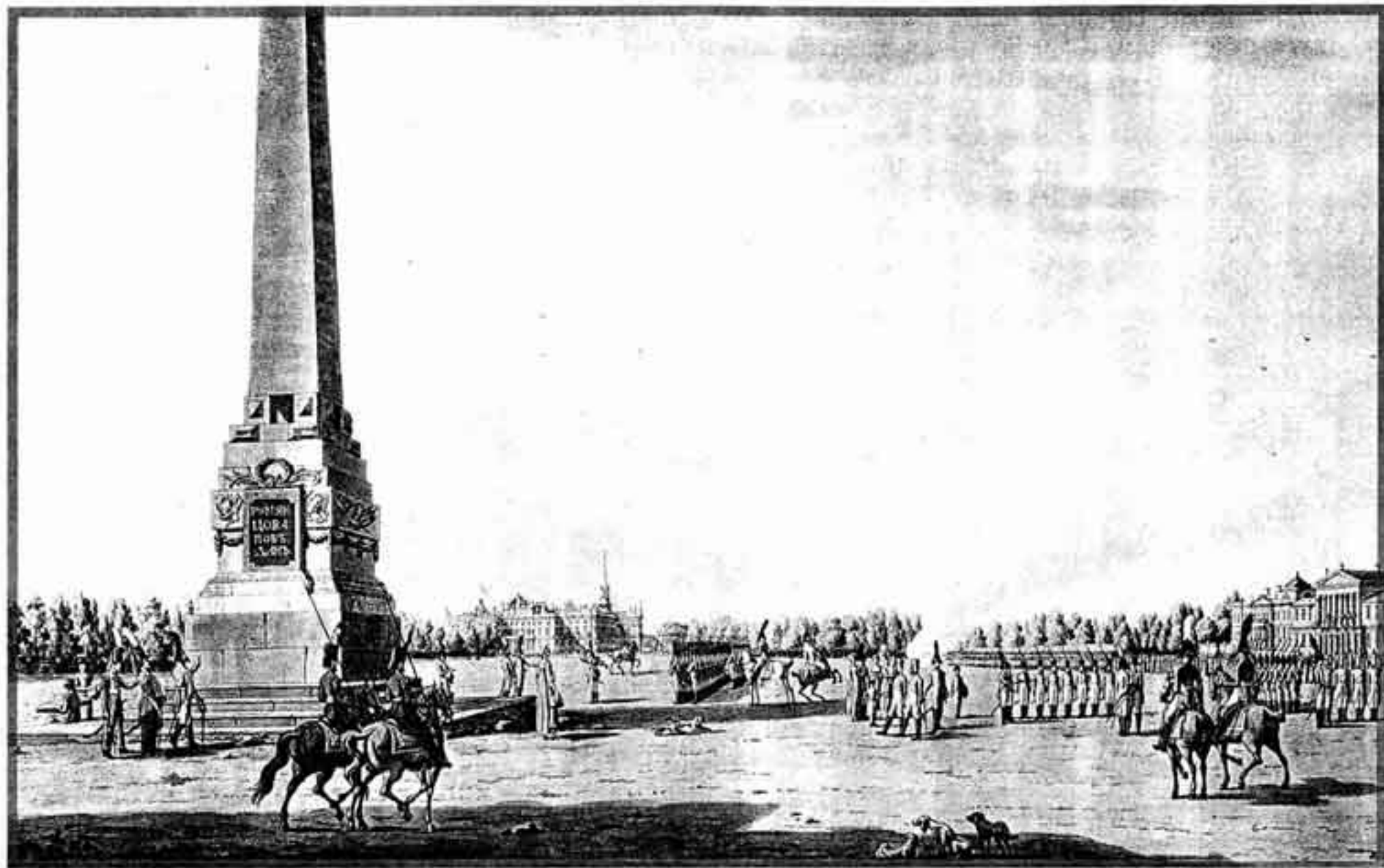
Отношения между союзниками приобрели крайне натянутый характер. Они взаимно обвиняли друг друга в неудаче похода. Масла в огонь подлил и сам главнокомандующий. «Г-г Йоркский уже обозлил русских офицеров, находившихся под его началом, выказывая им свою нелюбовь и крайнее презрение и открыто насмехаясь над ними за столом»²². В довершение всех несчастий окончательно испортилась погода. Экспедиция потерпела полный провал.

7 октября 1799 года в Алькомааре герцог Йоркский «гордо» капитулировал, подписав конвенцию с генералом Брюном. Было заключено перемирие до 19 ноября; к этой дате союзники обязались очистить пределы Голландии и без всяких условий освободить 8 тысяч пленных французов и батавцев.

Переговоры и заключение конвенции велись герцогом скрытно от русских, которые в них совсем не участвовали. Остатки экспедиционного корпуса были отправлены в Англию. Русские войска в течение шести недель находились на кораблях, и только в конце ноября началась их постепенная, медленная

перевозка на острова Джерси и Гернси, а оттуда в Англию. Перечисляя причины неудачи Голландской экспедиции, современный английский историк А. Б. Роджер замечает: «За позорный провал экспедиции Британский Кабинет должен нести большую часть вины»²³.

Неудача экспедиции в Голландию тяжело сказалась на союзе между Лондоном и Санкт-Петербургом. Подобно тому как Швейцарский поход Суворова явился прологом к разрыву австро-русского союза, Голландская экспедиция ознаменовала начало кризиса в англо-русских отношениях.

Б. Патерсен. Марсово поле и Румянцевский обелиск. ГЭ.

Примечания

1. Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 213. Л. 8.
2. Материалы Голландской экспедиции хранятся в фонде вице-президента Военной коллегии И. В. Ламба. — РГВИА. Ф. 42. Оп. 200. Д. 725. См. также в Ф. 26 (Военно-походная с.и.в. канцелярия). Оп. 29; 153 об. Св. 2 и 3.
3. Gohier L. J. Mémoires. P., 1824. T. 1. P. 30.

Историки, как правило, ограничивались лаконичными упоминаниями о Голландской экспедиции. В лучшем случае ей посвящались отдельные главы в обобщающих трудах по истории кампании 1799 г. и по истории войн в эпоху нового времени. Единственным ученым, частично использовавшим материалы экспедиции, был генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин (Милютин Д. А. История Войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. Т. 2. СПб., 1857).

4. Shervig J. M. Guineas and gunpowder. Harvard, 1969. P. 119.
5. Rodger A. B. The War of the Second Coalition. 1798 to 1801. Oxford, 1964. P. 2.
6. РГВИА. Ф. 42. И. В. Ламб. Оп. 200. Д. 725. Л. 4.
7. АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 55.
8. Walsh E. A. Narrative of the expedition to Holland in the autumn of the year 1799. L., 1800. P. 19.
9. Мемуары графа Рошешуара, адъютанта императора Александра I. СПб., 1914. С. 29.
10. Вейдемейер А. Двор и замечательные люди России во второй половине XVIII столетия. Ч. 2. СПб., 1846. С. 208.
11. Дубянский А. Я. Записки военнопленного российского штаб-офицера во время Голландской экспедиции 1799 года. // Сын Отечества. Ч. 92. № IX. СПб., 1824.
12. РГВИА. Ф. 263 (П. В. Чичагов). Оп. 1.

- Д. 41. Л. 97.
13. РГАДА. Ф. 30. Новые дела. Оп. 1. Д. 194. Л. 58; АВПРИ. Оп. 35/6. Д. 513. Л. 2.
14. Bunbury H. Narratives of some passages in the Great War with France, from 1799 to 1810. L., 1854. P. 4.
15. РГВИА. Ф. 263. Оп. 1. Д. 41. Л. 96.
16. Lobanov-Rostovsky A. A. Russia and Europe. 1789–1825. Duke Univ. Press. 1947. P. 60.
17. РГВИА. Ф. 29. Оп. 153. Св. 2. Д. 37. Л. 6–7.
18. Там же. Оп. 1536. Св. 3. Д. 40. Л. 3.
19. Soult N. Mémoires du maréchal-général Soult duc de Dalmatie. P., 1854. T. 1. P. 17.
20. РГВИА. Ф. 26. Оп. 1/152. Д. 56. Л. 163.
21. ОР РНБ Ф. 755. Т. 16. Л. 187.
22. Piechowiak A. B. The Anglo-Russian Expedition to Holland in 1799 // The Slavonic and East European Review, vol. XLI, Num. 96, 1962. P. 190.
23. Rodger A. B. Op. cit. P. 192.